

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
(в режиме видео-конференц-связи)**

(27 ноября 2025 года)

**Ростов-на-Дону
2026**

**© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026
ISBN 978 5 89288 601 7**

УДК 347(08)

ББК 67.404

А 43

Рецензенты:

Ю. А. Саранкина, заместитель начальника кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала КУ МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Р. Ю. Улимаев, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – **Пономарева** Наталья Витальевна, кандидат юридических наук

А 43 Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений [Электронное издание] : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции (в режиме видео-конференц-связи) (27 ноября 2025 г.) / под ред. В. И. Фатхи. Электрон. дан. (0,83 МБ). – Ростов-на-Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978 5 89288 601 7

В сборнике научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции (в режиме видео-конференц-связи) нашли отражение актуальные вопросы частноправового регулирования общественных отношений.

Предназначен для научно-педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России; представителей образовательных организаций Минобрнауки России; сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

Выпускается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978 5 89288 601 7

УДК 347(08)

ББК 67.404

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Батурина Н.И. Трансгендерный переход как основание лишения родительских прав	5
Вакула И.М. Вишнивецкая М.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров	8
Давыдова С.А. Проблема правовой регламентации имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом, на примере русско-турецких брачных отношений	11
Карпика А.Г. Авторское право и искусственный интеллект	15
Казанцева Е.В. Дискуссионные аспекты института компенсации морального вреда.....	19
Ковган Е.Ю. Административно-правовое регулирование в сфере охраны окружающей среды: проблемы реализации и пути совершенствования	23
Лемайкина С.В. Проблемы международного сотрудничества в сфере киберпреступности.....	26
Негодаева Е.Г. Практические аспекты лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности: специфика и правоприменение.....	29
Пожарицкая А.М. Гражданско-правовая ответственность операторов цифровых платформ (маркетплейсы, финтех, агрегаторы) и ее соотношение с административной и уголовной ответственностью	33
Пономарева Н.В. Правовые основы трансформации семейных отношений в условиях цифровизации общества.....	36
Пономарева Н.В., Негодаева Е.Г. Правовая природа юридических лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений: теоретико-методологический анализ и современное состояние доктрины.....	40
Пономарева О.М. Защита прав и интересов несовершеннолетних в суде законными представителями.....	43
Рыбалка Е.А. Алиментные обязательства в условиях платформенной занятости	46

Рыбалка Е.А. Институт пенсионного обеспечения в России: ретроспективный анализ.....	50
Тугуз М.А. Институт традиционных семейных ценностей в российском праве в условиях «овеществления» семейных отношений: проблемы и перспективы...	52
Шпак А.В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровых технологий.....	55
Шумилина А.Б., Малявина А.Б. Общетеоретические аспекты защиты права собственности субъектов предпринимательской деятельности в России.....	58

ТРАНСГЕНДЕРНЫЙ ПЕРЕХОД КАК ОСНОВАНИЕ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Батурина Н.И.

Заместитель начальника кафедры гражданско-правовых
дисциплин Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) закрепляет важность семейного воспитания детей родителями, однако не раскрывает понятия родителей, предполагая очевидность участия мужчины и женщины. Современные реалии включают ситуации воспитания детей однополыми парами либо супругами, сменившими пол после заключения брака традиционного типа.

Приведенные примеры противоречат семейным ценностям, признанным многовековой историей на территории Российской Федерации, о чем на законодательном уровне предусмотрены запреты на существование таких отношений. Так, в пп. 13 п. 1 ст. 127 СК РФ предусматривается недопустимость стать усыновителями, если лица состоят в брачных отношениях при наличии у них одинаковой половой принадлежности, легализованных в соответствии с законодательством иностранного государства, где таковые союзы допустимы, в том числе и в отношении тех, кто является гражданами соответствующих государств и не состоит в браке. В пп. 14 этой же статьи содержится основание, не позволяющее приобрести статус усыновителя, если лицо изменило пол, а также если оно относится к гражданину государства, законодательство которого не запрещает смену пола с помощью медицинского вмешательства и лекарственных препаратов, действие которых направлено на формирование первичных и (или) вторичных половых признаков противоположенного пола, в том числе и то лицо, которое изменило документ, удостоверяющий личность без медицинских вмешательств по смене пола.

Обозначенные запреты российского законодательства распространяются не только на граждан государств, где таковые действия разрешены законом, но и на тех, кто имеет постоянное место жительства в таких государствах, являясь лицом без гражданства. Подобного рода ограничения предусмотрены и в отношении тех лиц, которые претендуют приобрести статус опекуна или попечителя, при принятии ребенка в семью, оставшегося без попечения родителей (п. 1 ст. 146 СК РФ).

Перечисленные запреты наглядно демонстрируют факт того, что воспитание ребенка в семье усыновителя, опекуна (попечителя) должно осуществляться лицами, половая принадлежность которых приобретена при рождении. Кроме того, если при избрании одной из указанных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, статус законного представителя устанавливается лицом, находящимся в браке, то половая принадлежность супругов не может быть одинаковой. Исходя из этого, обоснованно напрашивается вывод о том, что родителями могут быть только разнополые лица, гендерная принадлежность которых приобретена ими естественным путем, а не с помощью медицинских вмешательств, за исключением тех, которые разрешены согласно ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и не при изменении документов, удостоверяющих личность без соответствующих манипуляций со сменой пола. Обозначенное утверждение необходимо внести на законодательном уровне, а именно в ст. 47 СК РФ, дополнив вторым абзацем, изложив его в следующем виде: *«Родителями ребенка могут быть только мужчина и женщина, чья половая принадлежность приобретена при рождении».*

Для недопустимости обозначенных инцидентов и сохранения семейных ценностей в Конституции РФ ч. 1 ст. 72 была дополнена пунктом «ж», в котором установлено, что защита института брака осуществляется государством как союз мужчины и женщины.

Внимание обозначенной проблеме уделялось и ранее, но до настоящего времени так и не было предпринято никаких действий. Чтобы устранить обозначенный пробел, целесообразно на законодательном уровне дополнить перечень оснований, влекущих лишение родительских прав. Для защиты интересов ребенка, его незрелой психики, а также в целях предупреждения совершения родителями действий по смене пола необходимо ст. 69 СК РФ, определяющую основания лишения родительских прав, дополнить абзацем восьмым, изложив в следующей редакции: родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они *«изменили пол»*. Предложенное основание для лишения родительских прав должно распространяться на всех родителей, воспитывающих детей до 18-летнего возраста, если они сменили пол, независимо от времени произошедшего – до вступления запрета на территории Российской Федерации о смене пола с июля 2023 г. или после такового.

Внесение такого запрета на осуществление родительских прав по воспитанию детей позволит избежать негативного воздействия на несформировавшуюся личность ребенка, а также предотвратит распространение среди населения России зарубежной «нездоровой» идеологии о семейных отношениях, в том числе о возможности воспитания детей однополыми родителями. Предложенная мера не может быть рассмотрена как невозможная и неоправданная, как ранее по этой проблеме высказывались в научной среде, поскольку на данный момент СК РФ содержит запреты на установление усыновления, опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей в отношении лиц, которые изменили свою гендерную принадлежность или находятся в однополном браке.

Хотя система семейного воспитания является отражением субъективного восприятия родителя, важно учитывать, что, несмотря на происходящие изменения, связанные с новыми вызовами современного общества, развитием технологий и цифровизации, со сменой интересов, в основу воспитания ребенка должны быть положены устоявшиеся каноны, ориентированные на сохранение

семейных традиций и устоев, человеческих ценностей, которые на протяжении многовековой истории изначально передавались от отца и матери к детям.

Литература

1. Усыновление детей однополыми парами [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 07.11.2025).

2. Американская семья сменила пол в полном составе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2017/12/17/amerikanskaya-semya-smenila-pol-v-polnom-sostave> (дата обращения: 07.11.2025).

3. Нижнетагильский ЗАГС отказал в регистрации гей-брака, ссылаясь на еще не принятые поправки в Конституции [Электронный ресурс]. URL: <https://panorama.pub/41412-nizhnetagilskij-zags-otkazal.html> (дата обращения: 07.11.2025).

© Батурина Н.И., 2025

УДК 347.9

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Вакула И.М.

Профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор

Вишнинецкая М.И.

Доцент кафедры процессуального права
Ростовского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук

В российском законодательстве существует некоторое количество нормативных правовых актов, описывающих процедуру медиации и определяющих порядок ее применения. К ним можно отнести: Федеральный

закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который является основным законом о медиации и с 2010 г. вводит ее в российское законодательство [1], а также ряд актов, предусматривающих применение процедуры медиации в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве; ст. 49 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» для арбитражного судопроизводства [2]; ст. 153.5 Гражданского процессуального кодекса РФ для гражданского судопроизводства [3] и ст. 137.5 Кодекса административного судопроизводства РФ для административного судопроизводства.

Несмотря на то, что возможность применения процедуры медиации предоставляется законом более 15 лет, медиация по-прежнему остается весьма непопулярной процедурой. Это в свою очередь выражено следующими факторами: относительно недавний срок появления данной процедуры, нежели судебных способов решения споров, которые присутствуют на протяжении всего существования Российской Федерации, и, следовательно, у субъектов споров есть более четкое представление и осведомленность касательно их сути и порядка применения; наличие некоторых традиционных взглядов, которые ведут к консервативному подходу в выборе способа урегулирования споров и недоверию новым способам их решения; ограниченные виды споров, в которых можно прибегнуть к использованию медиации, споры, к которым допускается применения процедуры медиации, прямо указаны в законодательстве.

В подтверждение низкой популярности медиации и ограниченного использования ее процедур по гражданским, административным, арбитражным и иным предусмотренным спорам обратимся к судебной статистике. Нами рассмотрена статистика за 2022, 2023 и 2024 гг., а в частности отчеты о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции и отчеты о работе арбитражных судов

Российской Федерации по первой инстанции. Из указанных отчетов следует, что в 2022 г. было решено 912 споров путем использования процедуры медиации из 31 996 717 споров, в 2023 г. – 1 008 из 31 337 438 споров, в 2024 г. – 114 из 34 933 457 споров. Проведя расчет процентного соотношения показателей, получаем, что в 2022 г. посредством медиации было решено 0,0028502924 % споров, в 2023 г. – 0,0032357463 % споров, в 2024 г. – 0,00318892 % споров. Из этого следует, что, как и упоминалось ранее, количество споров, решенных с применением процедуры медиации, ничтожно мало. Воздействие на повышение эффективности судопроизводства и снижение части нагрузки с судов настолько незначительно, что остается незамеченным.

Международная практика применения этой процедуры показывает, что в одних странах медиация является довольно-таки распространенным способом решения споров во внесудебном порядке (США и Италия), в других – процедурой весьма своеобразной, это своеобразие выражено особенными условиями и характеристиками конкретной страны (например, Китайская Народная Республика и Япония). Существуют и такие государства, где медиация, так же как и в России, крайне непопулярна.

Проведя подробный анализ российского законодательства, в частности тех нормативных правовых актов, которые обеспечивают закрепление медиации и возможность ее использования в судопроизводстве, а также изучив статистику судебного департамента при Верховном Суде РФ, сделаем следующие выводы: медиация не пользуется большой популярностью в России; у населения отсутствует достаточный уровень осведомленности о наличии и действии данной процедуры; медиация на данном этапе существования страны имеет очень низкий уровень влияния на совершенствование системы решения споров в Российской Федерации. Полагаем, что с течением времени процедура медиации станет более популярной, т. к. имеет свои достоинства, например, более низкую цену и сроки решения спора в сравнении с затратами на решение спора в судебном порядке. Но для этого необходимо проводить определенную деятельность по популяризации медиации, усовершенствованию

законодательства, регулирующего проведение данной процедуры, и по повышению осведомленности населения.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2021 № 193-ФЗ (с последними изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 10.10.2025).

2. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (с последними изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ (дата обращения: 10.10.2025).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 10.10.2025).

© Вакула И.М., Вишнинецкая М.И., 2025

УДК 347.626

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Давыдова С.А.

Старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России

Наблюдается тенденция роста числа межнациональных браков среди россиян. По статистике, в 2021 г. около 8,5 тыс. россиян заключили браки с иностранцами, а в 2022-м эта цифра составила примерно 2,5 тыс. браков с жителями дальнего зарубежья. Часто регистрируются браки с гражданами Турции. Значительная доля таких союзов заключается за границей, вызывая юридические последствия вне рамок российского законодательства.

Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов, один из которых является гражданином РФ, а другой – гражданином Турции, в контексте международного частного права явствует исходя из ряда обстоятельств. Лалетина А.С., анализируя нормы международного частного права (далее – МЧП) ряда зарубежных государств, приходит к выводу о том, что не только коллизионные нормы, но даже двухсторонние или многосторонние договоры государств по вопросам МЧП не всегда способны устранить проблемы правоприменения при регулировании имущественных отношений супругов. Сами же коллизионные нормы неоднобразны. Классификация таковых может быть проведена по нескольким основаниям.

Регулирование имущественных отношений сторон брака в Турции строится на принципе ограниченной воли сторон при нераздельности режимов движимого и недвижимого имущества, то же правило содержится в ст. 1205 Гражданского кодекса РФ. При этом научные труды не указывают на то, какие именно коллизионные привязки МЧП Турции должны быть применены к имуществу супругов в случае различного гражданства последних.

Указанное обстоятельство выявляет необходимость детального изучения нами законодательства Турции, а конкретно той его части, которая регламентирует не только семейные отношения, но и содержит нормы МЧП.

Так, согласно Закону № 5718 «О международном частном праве и международном частном процессе», а именно п. 3 ст. 13 названного правового акта, общие положения брака регулируются национальным законодательством супругов. Если стороны имеют отдельное гражданство,

применяется закон о совместном проживании (закон совместного места жительства), а если его нет, применяется турецкое право.

Отдельно в законе выделен раздел, посвященный регулированию имущественных отношений супругов. Так, при заключении брачного договора супруги могут выбрать один из нескольких вариантов:

1) при заключении договора осуществить отсылку к закону общего места жительства супругов на момент заключения ими брака (существенное отличие от семейного права РФ состоит в том, что ст. 161 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) позволяет супругам также ссылаться на законодательство страны последнего совместного места жительства);

2) обратиться к праву страны, гражданство которой имеет один из супругов на момент регистрации брака;

3) не осуществлять выбор применимого к супружескому имуществу права. В этом случае положения брачного договора будут истолкованы в соответствии с нормами страны общего гражданства супругов, а если последние являются гражданами разных государств – нормами страны общего места жительства на момент заключения брака или, если таковое отсутствует, права страны места нахождения имущества.

Супруги, которые после заключения брака приобретают новое гражданство, могут руководствоваться новым национальным правом при условии, что субъективные права третьих лиц не затрагиваются.

Таким образом, турецкое международное частное право предоставляет супругам возможность определения юридической судьбы принадлежащего им имущества, отличаясь гибкостью подхода к регулированию правоотношений, осложненных иностранным элементом. Данный вывод также следует из положений Кодекса 2007 г., ст. 2 которого гласит, что при невозможности установления судом иностранного права, применение которого возможно для урегулирования спора между истцом и ответчиком, применяется турецкое право. Однако это правило не действует в случае, если речь идет о семейных отношениях.

К договорным отношениям супругов по поводу материальных благ может быть применено правило, установленное ст. 7 Кодекса 2007 г.: «Правовые сделки могут осуществляться в соответствии с формой, предусмотренной положениями материального права страны, в которой сделка исполняется, или по праву, применимому к существу этой сделки». Так, если супругами был заключен брачный договор, то применению будут подлежать нормы того права, ссылку на которое осуществили стороны соглашения.

По российскому праву (п. 1 ст. 34 СК РФ) имущество, приобретенное супругами в браке, считается совместным, кроме случаев признания личного имущества (ст. 36 СК РФ).

Турция (ст. 244–255 Гражданского кодекса Турции) признает общей лишь собственность, специально предназначенную для нужд семьи (недвижимость, инвестиции, материальные ценности для семейной экономики), а остальное имущество признается личным: объекты, переданные безвозмездно, оговоренные договором, личные вещи и компенсационные выплаты.

Отличительной особенностью турецкого семейного права, которую, по нашему мнению, следует учитывать российским гражданам, вступившим в брак с гражданином Турции, желающим сохранить продолжительные брачные отношения и обезопасить принадлежащее им имущество, является наличие в турецком законодательстве прямого указания на случаи, в которых может быть произведено расторжение брака. Турецкое право разделяет указанные на общие и частные основания разрыва супружеских отношений в ст. 161–166 Гражданского кодекса Турции. Некоторые общие основания расторжения брака описаны в кодексе пространно, в их числе: распад супружеского союза, развод по согласию сторон, раздельное проживание супругов в течение трех лет после отказа суда на заявление о разводе (отметим, что суд может отказать в расторжении брака в случаях, если супругами не будет достигнуто соглашение об имуществе, об опеке над детьми, алиментах или если один из них выступит против развода). Частные основания расторжения брака включают в себя: супружескую измену, покушение на жизнь супруга, скверное

поведение или поведение, задевающее честь супруга, совершение преступления любой тяжести, постыдный образ жизни, оставление супруга на срок до шести месяцев с целью избежания супружеских обязанностей, душевное заболевание одного из партнеров.

Процедура расторжения брака в Турции воспринимается значительно строже, чем в России. Вместо полного развода часто применяется судебное разрешение на раздельное проживание сроком от года до трех лет. Законодатель намеренно оставляет нерешенным вопрос разделения имущества в этот период, создавая условия, затрудняющие расставание супругов и стимулируя сохранение брака.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

2. Уланова Д.В. Исламское семейное право в Гражданском кодексе Турецкой Республики // Ислам в современном мире. 2016. № 3. Т. 12.

3. Лалетина А.С. Коллизионные нормы, регулирующие имущественные отношения супругов в законодательстве иностранных государств // Московский журнал международного права [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mjil.ru> (дата обращения: 07.11.2025).

© Давыдова С.А., 2025

УДК 347.78:004

АВТОРСКОЕ ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Карпика А.Г.

Доцент кафедры информационно-коммуникационных
технологий и кибербезопасности
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат технических наук, доцент

Действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее отношения в области интеллектуальной собственности, включает в себя следующие правовые документы:

- 1) Гражданский кодекс Российской Федерации – часть 4;
- 2) Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- 3) Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»;
- 4) Приказ Минфина России от 27.12.2007 № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет нематериальных активов”» (ПБУ 14/2007).

Инфраструктура авторского права включает системы, процессы и технологии, обеспечивающие защиту интеллектуальных прав авторов. Развитие генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) повышает требования к таким инфраструктурам, т. к. использование произведений для обучения моделей и создание контента с помощью ИИ вызывают трудности с соблюдением прав, признанием авторства и выплатой вознаграждений.

Различные творческие направления разрабатывают специализированную инфраструктуру для управления, лицензирования и обеспечения соблюдения своих прав в цифровой среде, а также то, как разработка и внедрение инструментов искусственного интеллекта создает проблемы и возможности для существующей инфраструктуры. В этой структуре и механизмах учитываются новые нормативные акты, формирующие правовой ландшафт и подчеркивающие важность создания масштабируемых систем. Эти системы могут работать в разных юрисдикциях, например, в развивающихся странах, а также в различных областях творческой деятельности.

В последние 10 лет количество и качество инструментов искусственного интеллекта существенно возросло, что привело к тому, что указанная технология стала доступной практически для всех, кто этого пожелает. Вместе

с этим использование ИИ поднимает на новый уровень традиционно непростые и в некоторых случаях спорные вопросы защиты прав интеллектуальной собственности. Неочевидность ответа на них заставляет правообладателей и другие заинтересованные стороны искать новые инструменты для обеспечения соблюдения и мониторинга соблюдения своих прав.

Необходимо сформировать согласованные принципы и подходы к защите интересов в условиях развития искусственного интеллекта. Правообладатели и отрасль требуют ясных правовых основ и государственной политики, способствующих ответственному развитию технологий. Важно определить цели и ориентиры, позволяющие регуляторам формировать стратегию и правовые нормы, эффективно управлять рисками и обеспечивать справедливость в сфере искусственного интеллекта.

Эта политика может быть направлена как на государственные, так и на заинтересованные в соблюдении прав правообладателей частные организации. Например, разработка законодательных и правоприменительных мер, консультирование юридических и прочих организаций по вопросам передовых методов внедрения ИИ в их бизнес-модели.

В связи с этим важно уметь точно определять уровень человеческого вклада и вклада ИИ в интеллектуальный продукт, понимать соотношение каждого из них в конечном продукте. Для большей ясности следует разработать обоснование этого различия, поскольку оно лежит в основе прав и обязанностей при принятии решений, связанных с предоставлением прав интеллектуальной собственности, управлением ими и обеспечением их соблюдения.

Вопрос о человеческом вкладе имеет решающее значение для анализа роли искусственного интеллекта в создании и защите прав интеллектуальной собственности. Другими словами, рассмотрение участия человека в создании продукта как творческой или полезной работы является необходимым условием правовой оценки авторства. Здесь возникает еще один этико-правовой вопрос: в какой степени важен уровень человеческого вклада? Например, может ли

быть достаточным «любой вклад», или он должен составлять долю не менее заранее обусловленной, как в системе «Антиплагиат».

Так, в декабре 2019 г. Народный суд округа Наньшань Шэньчжэня вынес решение по новостной статье, написанной ИИ под названием Dreamwriter, принадлежащей китайской компании Tencent. 20 августа 2018 г. на веб-сайте компании была опубликована финансовая статья, написанная Dreamwriter. Шанхайская технологическая компания быстро воспроизвела его на своем веб-сайте без предварительного согласия Tencent, что побудило Tencent подать в суд на шанхайскую компанию за нарушение своих прав на интеллектуальную собственность.

Суд признал оригинальность статьи, созданной искусственным интеллектом Dreamwriter, разработанным командой Tencent, установив два критерия оригинальности: достаточную степень креативности содержания и индивидуальные усилия разработчиков в процессе ее создания. Статья рассматривалась как продукт оригинальных идей и анализа, выраженных структурированно и логически обоснованно, что позволило удовлетворить иск Tencent о нарушении авторских прав.

Определение права собственности на интеллектуальную собственность осуществляется на основе толкования законов и нормативных актов, в том числе государственными органами, которые могут предоставлять или лишать прав в административном или судебном порядке. Выдача и аннулирование прав определяются в каждом конкретном случае и требуют тщательного знания законодательства и фактов.

Литература

1. Карпика А.Г. Актуальные вопросы защиты интеллектуальной собственности в информационной сфере // Юрист-Правоведь. 2020. № 2(93).

© Карпика А.Г., 2025

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Казанцева Е.В.

Старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Институт компенсации морального вреда имеет глубокое этическое и правовое обоснование. Его существование обусловлено необходимостью защиты личности от негативных последствий правонарушений, затрагивающих нематериальную сферу. Проведя анализ, отметим основные аргументы, обосновывающие важность и необходимость компенсации морального вреда:

– *гуманистический аргумент* ставит во главу угла ценность человеческой личности и ее неотъемлемых прав, включая право на достоинство, честь, доброе имя, психическое и физическое благополучие. Компенсация морального вреда признает важность этих нематериальных благ и недопустимость их безнаказанного нарушения, она служит подтверждением того, что государство гарантирует защиту личности от посягательств на ее нематериальную сферу;

– *компенсаторный аргумент* – несмотря на то, что денежная компенсация не может полностью устранить причиненные страдания и вернуть потерпевшему его прежнее состояние, она способствует смягчению негативных последствий правонарушения. Компенсация помогает потерпевшему восстановить свое душевное равновесие, получить моральное удовлетворение и частично компенсировать вынужденные расходы, связанные с восстановлением здоровья или репутации (например, расходы на лечение, психологическую помощь, юридические услуги);

– *превентивный аргумент* состоит в том, что возможность взыскания компенсации за моральный вред выступает сдерживающим фактором для потенциальных правонарушителей. Зная, что причинение морального вреда повлечет за собой негативные последствия, лица будут более осторожны и внимательны в своих действиях, что способствует снижению числа правонарушений;

– *штрафной (санкционный) аргумент* – компенсация морального вреда является одной из мер гражданско-правовой ответственности и выполняет штрафную функцию. Взыскание компенсации с правонарушителя направлено не только на восстановление нарушенных прав потерпевшего, но и на наказание виновного лица и предупреждение аналогичных правонарушений в будущем;

– *аргумент восстановления социальной справедливости* – причинение морального вреда нарушает баланс интересов в обществе и порождает чувство несправедливости. Компенсация морального вреда способствует восстановлению этого баланса и удовлетворению чувства справедливости как у потерпевшего, так и в обществе в целом. Она подтверждает принцип неотвратимости ответственности за противоправные действия;

– *стимулирующий аргумент* – институт компенсации морального вреда стимулирует развитие правовой культуры и формирование уважительного отношения к личности, ее чести, достоинству и другим нематериальным благам. Он способствует повышению ответственности граждан за свои действия и формированию правомерного поведения.

Следует отметить, что институт компенсации морального вреда, будучи важным элементом современной системы защиты гражданских прав, неизменно вызывает дебаты среди теоретиков и сложности в практическом применении. Его функционирование сопряжено с рядом фундаментальных вопросов, по которым сталкиваются противоположные точки зрения. Рассмотрим эти дискуссионные аспекты более детально, представляя как критические аргументы – «против», так и доводы в защиту данного института – «за».

1) Проблема определения «монетизации страданий» – признание ценности нематериальных благ и необходимость правовой реакции.

Критики денежной компенсации утверждают, что невозможно адекватно оценить уникальность человеческого страдания и внутренние переживания объективными денежными средствами. Такое сравнение считается кощунством, снижающим ценность достоинства, чести, здоровья и жизни до уровня товарно-денежных отношений. Получение денег может вызвать ощущение не реабилитации, а скорее «откупа», усиливая моральные страдания жертвы. Критики подчеркивают недостаточность любых денежных сумм в ситуациях серьезного ущерба здоровью или смерти, считая подобную компенсацию циничной и бессмысленной. Дополнительно отмечается, что ориентация на денежные средства способна сместить приоритет потерпевших с восстановления справедливости на преследование финансовых выгод.

Сторонники института денежной компенсации считают, что ее назначение носит символический характер, подчеркивая признание правонарушения против нематериальных благ и пытаясь смягчить негативные последствия для пострадавшей стороны. Компенсация позволяет покрыть расходы на лечение, реабилитацию, отдых и восстановление психологического состояния, а также способствует возмещению эмоциональных потерь. Сам процесс взыскания показывает серьезность нарушения и подтверждает значимую роль нематериальных благ в обществе. Без возможности компенсировать ущерб юридическими методами защита этих благ оказалась бы недостаточно эффективной.

2) Субъективность оценки и риск произвола состоит в необходимости индивидуального подхода и роли судебного усмотрения.

Критики отмечают, что отсутствие четких критериев и методов расчета компенсации создает широкий простор для судебного усмотрения, что ведет к значительной вариативности размеров возмещения даже по аналогичным делам. Это снижает предсказуемость судебных решений, вызывает недоверие к правосудию и препятствует формированию устойчивой юридической

практики. Потерпевшие сталкиваются с неоправданно малыми или завышенными суммами, что вызывает недовольство обеих сторон процесса.

Защитники гибкости полагают, что свобода суда учитывать конкретные обстоятельства дела необходима для реализации принципа справедливости. Стандартизация лишила бы систему способности реагировать на индивидуальные характеристики пострадавших, включая их физическое и эмоциональное состояние, восприятие произошедшего события и личную значимость утраченного блага. Формализация расчетов приведет к формализации судебного рассмотрения, игнорируя уникальную природу нравственных страданий каждого человека. Решение вопроса видится в улучшении качества разъяснений судов высших инстанций, повышении профессиональной подготовки судей и развитии теоретических подходов оценки нематериального ущерба.

Таким образом, подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что дебаты вокруг института компенсации морального вреда отражают фундаментальные сложности, связанные с правовой оценкой нематериальных аспектов человеческого бытия. Критические аргументы выявляют реальные проблемы правоприменения, требующие внимания законодателя и судебной практики. В то же время аргументы «за» убедительно доказывают незаменимость этого института для полноценной защиты личности в современном правовом государстве. Оптимальный путь развития, вероятно, лежит в поиске баланса: сохраняя гибкость индивидуального подхода, необходимо вырабатывать более четкие ориентиры для определения размера компенсации, совершенствовать процедуры доказывания и обеспечивать эффективное сочетание денежных и неденежных способов защиты нематериальных благ.

Литература

1. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: новеллы и практика. М., 2020.

2. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

3. Казанцева Е.В. К вопросу о возмещении морального вреда, причиненного сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (29 мая 2020 г.). Краснодар, 2020.

© Казанцева Е.В., 2025

УДК 349.6

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ковган Е.Ю.

Преподаватель кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД России

Основополагающим актом, определяющим правовые принципы охраны природы в России, является Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Он устанавливает правовые основы регулирования качества окружающей среды, управления природными ресурсами, экологической экспертизы и мониторинга [1]. Несмотря на его системообразующее значение, механизм правоприменения сталкивается с рядом хронических проблем. Как подчеркивает А.В. Горбунова, «при всей нормативной насыщенности экологическое законодательство нередко демонстрирует низкую результативность из-за рассогласованности компетенций и отсутствия комплексного подхода к экологическому управлению» [2]. Это мнение разделяют и другие исследователи, отмечающие,

что многие нормы имеют декларативный характер, тогда как практический компонент требует значительного усовершенствования.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается функционирование экологической экспертизы, регулируемой Федеральным законом от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Процедура экспертизы призвана выполнять превентивную функцию – выявлять потенциально опасные проекты еще до этапа реализации. Однако эксперты указывают на затянутость процедур, недостаток прозрачности, а также случаи, когда результаты экспертизы нивелируются последующими согласовательными решениями. Как подчеркивает Н.А. Кузнецова, «система экспертизы часто оказывается встроенной в общий бюрократический контур, что снижает ее способность служить инструментом экологической безопасности».

Среди институциональных проблем важнейшей является раздробленность полномочий между федеральными и региональными структурами. Министерство природных ресурсов и экологии, Росприроднадзор, Роспотребнадзор, Рослесхоз, органы регионального и муниципального уровня – все они обладают различными видами компетенций, нередко пересекающихся или, наоборот, недостаточно согласованных. В отчетах Минприроды прямо указывается, что отсутствие комплексного межведомственного регулирования снижает эффективность контроля и приводит к дублированию проверок и пробелам в ответственности.

Важным фактором является и недостаточная материально-техническая обеспеченность контрольно-надзорных органов. Например, для полноформатного мониторинга атмосферного воздуха, качества водных источников и состояния почв требуются современные аналитические лаборатории, мобильные станции, системы дистанционного мониторинга. Однако многие региональные подразделения Росприроднадзора и иных органов до сих пор располагают устаревшим оборудованием, что существенно ограничивает объективность собираемых данных.

Проблема административной ответственности также имеет системный характер. Несмотря на то что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит специальную главу о нарушениях в природоохранной сфере, применяемые санкции остаются относительно мягкими. Штрафы зачастую существенно ниже экономической выгоды от нарушения, что создает у предприятий стимул обходить требования. Тем самым административная ответственность не всегда выполняет превентивную и дисциплинирующую функцию.

Сложность правового регулирования усугубляется и тем, что экологическая сфера тесно связана с экономикой, энергетикой, строительством, сельским хозяйством, транспортом. В этих секторах действуют собственные нормативные базы, иногда вступающие в противоречие с природоохранными предписаниями. Например, градостроительные нормы допускают строительство в зонах, требующих особо строгого контроля экологической нагрузки, а энергетические проекты нередко реализуются без должной оценки кумулятивных рисков. Каракеян В.И. отмечает, что межотраслевая несогласованность является одной из ключевых причин нарушения принципа устойчивого развития.

В целом можно заключить, что административно-правовое регулирование охраны окружающей среды в России находится в стадии активной трансформации. Для достижения реальной эффективности необходимы институциональная консолидация, модернизация контрольно-надзорной деятельности, пересмотр экономических инструментов, развитие цифровых технологий, расширение участия общественности и повышение прозрачности принятия решений. Только совокупность этих мер позволит перейти от фрагментарного реагирования к стратегическому управлению природными ресурсами и защитой экосистем. Таким образом, государственная экологическая политика должна развиваться по направлению синергии правовых, экономических, технологических и общественных механизмов регулирования, что соответствует современным международным стандартам

устойчивого развития и конституционному принципу охраны окружающей среды как обязанности государства.

Литература

1. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12125350/> (дата обращения: 22.09.2025).

2. Горбунова А.В. Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3.

3. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.

© Ковган Е.Ю., 2025

УДК 341.4:343.34:004

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Лемайкина С.В.

Старший преподаватель кафедры
информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности
Ростовского юридического института МВД России

Отметим, что история киберпреступности уходит своими корнями в 1980-е годы, когда с развитием персональных компьютеров и локальных сетей начали фиксироваться первые случаи незаконных действий в виртуальной среде. Одним из первых проявлений киберпреступности стало мошенничество с кредитными картами, которое возникло в то время, когда карточная информация стала доступной в компьютерных системах. В 1986 г. в Соединенных Штатах был принят Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях, который стал первым юридическим документом,

касающимся вопросов киберпреступности. Этот закон стал важным шагом в борьбе с преступлениями в виртуальном пространстве и открыл путь к дальнейшему развитию правовой базы в этой области. С течением времени киберпреступность продолжала эволюционировать, адаптируясь к новым технологиям и методам работы. В начале 2000-х гг. кибератаки начали привлекать массовое внимание, и наблюдалось значительное увеличение числа преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям, атаками на банковские учреждения и сервера. В 2013 г. мир стал свидетелем одной из крупнейших утечек данных, которая затронула более 40 млн кредитных карт. Этот инцидент послужил тревожным сигналом для организаций по всему миру, побудив их пересмотреть свои стратегии безопасности и защиты данных. Ситуация усугубилась в 2020 г., когда киберугрозы начали распространяться на уровне государств. Атаки на государственные учреждения и критическую инфраструктуру стали обычным делом.

Также в большинстве случаев отсутствуют унифицированные стандарты, касающиеся экстренного сохранения данных, что приводит к серьезным последствиям, таким как утрата доказательств, включая логи и временные сессии, а также невозможность быстрого пресечения преступной инфраструктуры. Интернет-компании располагают необходимой информацией гораздо быстрее, чем государственные органы успевают оформить соответствующие запросы. Это создает дополнительные сложности и порождает попытки «прямых» запросов к провайдерам, минуя процедуры MLAT, что в свою очередь вызывает юридические споры и конфликты. Кроме того, существует серьезный конфликт между необходимостью доступа к данным и защитой персональной информации. Запросы правоохранительных органов одной юрисдикции могут вступать в противоречие с национальными правилами защиты данных другой страны. Ярким примером такой ситуации является дело Microsoft против властей США, в котором рассматривался вопрос о доступе к данным, хранящимся за границей. Это дело стало практическим свидетельством конфликта между национальными ордерами и трансграничным

хранением данных. В результате последующего законодательного решения США, получившего название CLOUD Act, были установлены определенные правила, регулирующие доступ к данным, но проблема остается актуальной.

Еще одним препятствием в международном праве является отсутствие четкой границы между киберпреступлением и актом вооруженного вмешательства. Устав ООН содержит критерии для определения «применения силы», однако их применение в киберсреде вызывает множество споров. Киберпреступность иногда пересекается с геополитическими интересами, что приводит к тому, что государства могут укрывать подозреваемых по политическим мотивам или отказывать в их экстрадиции. Практика отказов в выдаче граждан, особенно в политизированных делах, создает дополнительные сложности для международного сотрудничества между странами с напряженными дипломатическими отношениями. Разные государства могут по-разному квалифицировать одни и те же деяния, что также затрудняет процесс экстрадиции. Различия в политике наказаний создают так называемые «юрисдикционные лазейки», которые могут быть использованы преступниками для уклонения от наказания.

Для достижения эффективных результатов в противодействии международной киберпреступности, а также обеспечения глобальной информационной безопасности полагаем, что важно находить баланс между необходимостью защиты прав человека и эффективностью борьбы с киберпреступностью. При этом необходимо сформировать унифицированные стандарты и механизмы, которые могли бы ускорить процессы взаимной правовой помощи и экстрадиции. Данный фактор является ключевым шагом на пути к более эффективному правоприменению в условиях глобализации и быстрого развития технологий.

Отметим, что 24 декабря 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, закрепляющую Конвенцию против киберпреступности, которая открыта для подписания вплоть до 31 декабря 2026 г. Новая конвенция ООН

позволит установить единые стандарты для уголовного законодательства, процедур расследования и сбора доказательств для всех стран-участниц.

Литература

1. Антон Немкин: «Масштаб ущерба от кибератак и киберкриминала в России оценивается примерно в полтора триллиона рублей» [Электронный документ]. URL: <https://dis.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/510190> (дата обращения: 07.11.2025).

2. What is the Computer Fraud and Abuse Act (CFAA)? [Электронный документ]. URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/Computer-Fraud-and-Abuse-Act-CFAA> (дата обращения: 07.11.2025).

3. Хакеры в США «взломали» 40 миллионов банковских карт [Электронный документ]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/793096/> (дата обращения: 07.11.2025).

© Лемайкина С.В., 2025

УДК 346.26

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СПЕЦИФИКА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Негодаева Е.Г.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Каждый вид лицензированной деятельности регулируется отдельными федеральными законами и постановлениями правительства. Важнейшими признаками лицензии выступают:

- 1) индивидуальность (предоставляется конкретной организации);
- 2) возмездность (уплата пошлины за предоставление лицензии);
- 3) временной характер (ограничена сроком действия).

Основной задачей лицензирования является охрана публичных интересов, защита потребителя и обеспечение необходимого уровня качества товаров и услуг. Без наличия лицензии субъекта вправе привлечь к административной либо уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность.

Вместе с тем применение принципа лицензирования сопровождается рядом существенных недостатков, главным из которых является неопределенность сроков рассмотрения заявок, завышенные критерии оценки претендентов, излишняя волокита и низкая информированность соискателей о необходимых документах и формах отчетности.

Деятельность медицинских учреждений подлежит тщательной проверке соответствующими органами здравоохранения. Критерии включают наличие специализированного оборудования, подготовку медицинского персонала и выполнение санитарно-гигиенических норм. Если медицинская организация или частнопрактикующий врач имеют намерение оказывать платные медицинские услуги, они должны пройти специальную экспертизу, подтверждающую качество лечения и правильность диагностики болезней. Эксперты указывают на растущую проблему нехватки квалифицированных медицинских кадров и устаревшего оборудования, что увеличивает срок получения лицензии. Еще одной распространенной жалобой предпринимателей является высокая стоимость технического оснащения клиник и диагностических центров, что замедляет открытие частных медицинских учреждений.

Процесс лицензирования образовательных учреждений сопряжен с множеством бюрократических проволочек и финансовых затрат. Одним из главных факторов риска здесь является проверка соответствия образовательных программ установленным федеральным нормам и требованиям к помещениям

и оборудованию. В частности, образовательные организации сталкиваются с необходимостью регулярного обновления учебной программы, содержания учебных пособий и оборудования. Несоответствие хотя бы одному из перечисленных пунктов грозит отзывом лицензии. Преподаватели, работающие в негосударственном секторе, также обязаны проходить ежегодную аттестацию, подтверждая свою компетенцию. Основная проблема заключается в отсутствии единого реестра аккредитованных образовательных программ, что затрудняет выбор подходящего учебного заведения потенциальным студентам и родителям учеников. Таким образом, дальнейшее развитие должно предусматривать унификацию и открытость доступа к информации о лицензиях и аккредитациях образовательных учреждений.

Финансовые институты находятся под особым контролем надзорных органов. Деятельность коммерческих банков, страховых компаний и инвестиционных фондов осуществляется лишь при условии предоставления специальных разрешений Центральным банком РФ и Министерством финансов РФ соответственно. Главные проблемы финансового сектора связаны с высокими требованиями к капитализации, диверсификации активов и качеству внутреннего аудита. Малейшие отклонения от установленных стандартов могут повлечь наложение штрафов, временное приостановление деятельности или полную ликвидацию юридического лица.

Алкогольная продукция считается продуктом повышенного риска, продажа которого требует особого внимания и мониторинга со стороны госорганов. Торговля спиртными напитками возможна только при наличии соответствующей лицензии, полученной у территориальных подразделений Роспотребнадзора. Одна из значительных проблем, возникающих в этом сегменте, связана с отсутствием единой базы данных производителей алкогольной продукции, что усложняет идентификацию нелегальной контрафактной продукции. Неравномерность регионального законодательства и различающиеся критерии проверки торговых точек приводят к нестабильности рыночной конъюнктуры и увеличивают издержки бизнеса.

Решения в рамках реформы предполагают создание централизованной информационной системы учета производства и оборота алкогольной продукции, обеспечивающей быстрое выявление подделок и предупреждение правонарушений.

Для улучшения ситуации предлагается усилить контроль за качеством работы должностных лиц лицензирующих органов, обеспечить дополнительную защиту интересов заявителей и упростить саму процедуру подготовки документов для получения лицензии.

Рассмотрев многочисленные проблемы и несоответствия существующей системы лицензирования, предлагаем следующие шаги по улучшению состояния данной сферы: разработка и внедрение прозрачных стандартов оценки соискателей лицензии; сокращение срока рассмотрения документов до двух месяцев; установление единых форм отчетности и исключение дублирующих требований; предоставление предпринимателям бесплатной консультации по вопросам лицензирования; повышение компетенции сотрудников лицензирующих органов и усиление внутренней дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей; упрощение порядка переоформления и продления лицензий, разработка автоматизированных сервисов для подачи заявлений и получения результата в электронном виде. Следуя таким рекомендациям, можно значительно сократить административные барьеры и сделать российскую систему лицензирования конкурентоспособной и эффективной.

Принятие предложенных рекомендаций позволит устранить существующие диспропорции и облегчить путь законопослушных предпринимателей к открытию своего дела. Формирование эффективного рыночного климата станет возможным только тогда, когда предприниматели почувствуют реальную защиту своих прав и перестанут испытывать страх перед непредсказуемостью действий проверяющих органов. Повышение прозрачности и доступности процедуры лицензирования усилит доверие

населения к государству и откроет широкие перспективы для дальнейших реформ в экономике нашей страны.

Литература

1. Сулова М.В. Назначение института лицензирования предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-instituta-litsenzirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 23.09.2025).

2. Сысоева Н.А., Соколов Д.В. Правовое регулирование лицензирования предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-litsenzirovaniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 23.09.2025).

3. Сулимин В.В. Предпринимательское право: лицензирование образовательной деятельности в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskoe-pravo-litsenzirovanie-obrazovatelnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.09.2025).

© Негодаева Е.Г., 2025

УДК 347.4:347.7:004

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕРАТОРОВ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ (МАРКЕТПЛЕЙСЫ, ФИНТЕХ, АГРЕГАТОРЫ) И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Пожарицкая А.М.

Адъюнкт кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России,
начальник отделения информационно-правовой деятельности
Правового отдела ГУ МВД России по Ростовской области

Цифровые платформы в узком понимании представляют собой «платформы-посредники, которые выступают площадкой для осуществления сделок между различными сторонами». Однако такой подход не охватывает большинство существующих платформ, так как им не хватает функций, необходимых для совершения полноценных сделок. В широком смысле авторы объясняют понятие «цифровая платформа» как комплекс инструментов, предназначенных для налаживания активного взаимодействия между лицами, предоставляющими контент, товары или услуги, и их потребителями.

Ускоренный рост числа нарушений исключительных прав демонстрирует прямую взаимосвязь с увеличением количества цифровых платформ, предоставляющих пользователям широкие возможности для распространения контента при отсутствии у них необходимой правовой компетенции. Внедрение операторами платформ жесткой модерации контента сопряжено с двумя существенными ограничениями: потенциальным нарушением принципа свободы пользовательских действий и техническими барьерами в обработке непрерывно растущих информационных потоков. В данном контексте критически важным представляется достижение оптимального баланса интересов всех участников цифрового взаимодействия: правообладателей, пользователей и операторов платформ.

Гражданско-правовая ответственность операторов цифровых платформ охватывает широкий спектр обязательственных правоотношений, возникающих при осуществлении их деятельности. Центральное место в данной системе занимает механизм возмещения имущественного ущерба, причиненного как непосредственным пользователям платформ, так и третьим лицам. Ненадлежащее исполнение операторами своих договорных обязательств, выражающееся в несоответствии качества предоставляемых услуг установленным требованиям либо в нарушении иных существенных условий соглашений, служит основанием для применения мер гражданско-правовой ответственности.

Уголовная ответственность, возникающая в результате таких правонарушений, может оказать значительное влияние на деятельность операторов цифровых платформ. В случае привлечения к уголовной ответственности операторы могут столкнуться не только с серьезными штрафами, но и с уголовными делами против своих сотрудников или руководства. Это может привести к потере репутации, ухудшению доверия со стороны пользователей и, как следствие, к снижению финансовых показателей.

Важно отметить, что уголовная ответственность не исключает возможность привлечения операторов к гражданской и административной ответственности. Так, при совершении противоправных действий, квалифицируемых как мошенничество, оператор подлежит привлечению к уголовной ответственности с одновременным возмещением причиненного пользователям имущественного ущерба в рамках гражданского судопроизводства, а также несет административные санкции за несоблюдение требований потребительского законодательства. Подобное сближение правовых последствий обуславливает необходимость строгого соответствия деятельности операторов нормативным предписаниям.

Существенное значение приобретает модернизация законодательства с учетом технологических инноваций, в частности разработка регламентирующих механизмов для систем искусственного интеллекта и блокчейн-технологий. Данные меры призваны гарантировать соблюдение этических норм при внедрении передовых решений, одновременно создавая благоприятные условия для технологического прогресса и защиты интересов потребителей.

Ключевым фактором оптимизации правовой среды является консолидация усилий регулирующих органов, операторов цифровых платформ и пользователей в рамках конструктивного диалога. Подобное взаимодействие позволит своевременно идентифицировать проблемные аспекты и выработать эффективные механизмы их преодоления, обеспечивая тем самым прозрачность и безопасность цифрового пространства.

Таким образом, четкое правовое регулирование, адаптированное к условиям быстро меняющейся цифровой экономики, является необходимым условием для защиты прав потребителей и обеспечения честной конкуренции. Рекомендации по совершенствованию законодательства позволят операторам цифровых платформ действовать более уверенно и эффективно, что в конечном итоге принесет пользу всем участникам цифрового рынка.

Литература

1. Пушкарева П.П. Цифровая платформа как фактор цифровой трансформации // ЦИТИСЭ. 2022. № 1(31).
2. Мубаракшин И.Р. Проблемы антимонопольного регулирования деятельности цифровых платформ // Студенческий вестник. 2021. № 39-1(184).
3. Коверченко И.И. Особенности ответственности операторов цифровых платформ за нарушение исключительных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3(49).

© Пожарицкая А.М., 2025

УДК 347.6:004

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пономарева Н.В.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Семейные ценности существуют в силу объективных причин и являются, как правило, постоянно действующими, передаются из поколения в поколение, свидетельствуют об уровне развития и мировоззрения человека, о ценностных приоритетах в государстве.

Приведем некоторые статистические данные, подтверждающие масштабы изменений, произошедших за последнее десятилетие. Если раньше общение происходило лично или использовались телефонные звонки, то теперь большинство жителей России проводят значительную часть времени в Интернете, активно пользуясь социальными сетями и мобильными приложениями. Данные последнего опроса Фонда общественного мнения свидетельствуют, что почти три четверти взрослого населения страны вовлечены в активное пользование Сетью, тогда как среди молодежи эта цифра близка к стопроцентной отметке.

Однако столь стремительное продвижение прогресса привело к появлению целого спектра проблем, остроту которых трудно переоценить. Одним из ярких примеров является феномен киберинтимидирования (или буллинга), представляющий собой агрессивное преследование в виртуальной среде. Зафиксированы тысячи обращений граждан, страдающих от атак злоумышленников, размещающих ложную или унижающую информацию о жертвах. Особенно подвержены риску подростки, которые ощущают давление сверстников, переживая тяжелые эмоции, влияющие на их физическое и душевное здоровье. Рассмотрим основные российские нормативные акты, касающиеся данной проблематики:

– Ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»). Хотя эта статья направлена на профилактику доведения лица до самоубийства любыми способами, включая психологическое давление в Интернете, само понятие киберинтимидирования в ней конкретно не указано.

– Ст. 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие этому»). Аналогично предыдущей норме, эта статья может применяться в случаях тяжелых последствий киберинтимидирования, но опять же без прямого упоминания термина.

– Ст. 128.1 УК РФ («Клевета»). Здесь предусмотрена ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь

и достоинство другого лица. Часто именно клевета служит инструментом киберинтимидирования.

– Ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни»). Применима в тех случаях, когда киберинтимидаторы вторгаются в личную жизнь жертвы, публикуют конфиденциальную информацию или фотографии.

– Ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление»). Административная ответственность наступает за публичное унижение чести и достоинства гражданина, выраженное в неприличной форме. Сегодня Интернет стал основной площадкой для подобного вида правонарушений.

– Ст. 13.11 КоАП РФ («Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных»). Нарушения указанной статьи связаны с публикациями частных данных, являющихся основой для преследования жертв буллинга.

– Закон РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Данный закон запрещает доступ детей к контенту, способствующему жестокости, насилию, преступлению или суицидальному поведению.

Хотя российское законодательство обеспечивает некоторые инструменты противодействия киберинтимидированию, многие эксперты указывают на недостаточность имеющихся норм и необходимость дополнительного регулирования:

– непосредственное определение киберинтимидирования: необходимо закрепить терминологию в законе, четко определив, что такое киберинтимидирование и какое поведение попадает под действие закона;

– повышение ответственности лиц, осуществляющих киберинтимидирование: следует ввести специальные составы преступлений и проступков, направленные против киберинтимидаторов, усиливающие наказание за неоднократные нарушения и нанесенный ущерб;

– создание специальной службы реагирования на киберинтимидирование: возможно учреждение специального подразделения полиции или прокуратуры,

занимающегося расследованием случаев киберинтимидирования и оперативно реагирующего на жалобы пострадавших;

- усиление ответственности интернет-платформ: интернет-ресурсы могли бы нести дополнительную юридическую ответственность за содержание публикаций, провоцирующих агрессию и дискриминацию;

- популяризация культуры безопасного обращения с информацией: государству целесообразно развивать программы информирования населения о рисках киберинтимидирования и мерах предосторожности в Сети;

- расширение полномочий правоохранительных органов: предоставление сотрудникам компетентных служб большего объема возможностей для оперативного выявления злоумышленников и блокировки вредоносного контента.

Предлагаем ввести обязательное информирование пользователей о потенциальных последствиях неоправданного распространения информации, обязать интернет-компании усиливать механизмы идентификации пользователей и вводить схемы для фильтрации нежелательных публикаций. Образовательные учреждения обязаны проводить уроки по информационной гигиене, разъясняя учащимся принципы безопасного поведения в Сети и правила управления своими профилями в социальных сетях. Особое внимание уделяется развитию критического мышления и способности анализировать поступающие сигналы, отличая реальные угрозы от провокаций.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что наступление эры цифровых технологий коренным образом меняет облик семейной жизни, открывая широкие перспективы и одновременно предоставив обществу значительные испытания. Теперь, как никогда ранее, необходим взвешенный подход к оценке плюсов и минусов цифровых нововведений, тщательное изучение факторов риска и подготовка рекомендаций по эффективному противодействию негативным последствиям.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Пономарева Н.В., 2025

УДК 347.19

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОКТРИНЫ**

Пономарева Н.В.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Негодаева Е.Г.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

В первую очередь необходимо определиться с понятием юридического лица. Наиболее распространенным определением является то, что юридическое лицо – это организация, обладающая обособленным имуществом и способная самостоятельно отвечать по своим обязательствам. Однако такое определение не раскрывает всю глубину феномена юридического лица. Одни ученые

рассматривают его как искусственно созданный механизм, позволяющий распределять риски и защищать интересы инвесторов, другие видят в нем отражение социальной структуры общества и инструмента государственного регулирования экономики.

Следующий вопрос касается проблемных моментов ответственности юридических лиц. Так, институт ответственности юридического лица остается открытым. Некоторые авторы подчеркивают трудности с установлением личной вины юридического лица, полагая, что ответственны конкретные сотрудники, действующие от его имени. Другие настаивают на возможности возложить ответственность на саму компанию, ссылаясь на ее способность формировать волю и действовать через исполнительные органы.

В зарубежных странах эта тема исследуется широко. Например, в Германии считается, что компания сама по себе не может быть виновата, и ответственность возлагается на сотрудников, принимавших решения. Аналогичный подход применяется в Европейских принципах деликтного права, где подчеркивается важность учета действий персонала фирмы.

Анализируя российскую судебную практику, важно отметить, что в деле о банкротстве была установлена позиция, согласно которой юридическое лицо, занимающееся инвестициями, не может рассчитывать на особое преимущество перед другими кредиторами. Этот подход демонстрирует усиление регламентации сферы инвестиций и активизацию вмешательства государства в коммерческую сферу.

Кроме того, растет число судебных разбирательств, связанных с определением круга полномочий управляющих органов компаний. Решения судов показывают стремление усилить ответственность руководителей корпораций, чья халатность или недобросовестность негативно влияет на интересы акционеров и контрагентов.

Типы коллизий в праве можно разделить на несколько групп:

1. Темпоральные коллизии: возникают, когда одновременно действуют нормы, принятые в разное время, и необходимо определить, какую из них применять.

2. Пространственные коллизии: появляются, когда одно и то же правоотношение регулируется нормами, действующими в разных территориальных единицах (регионах, странах).

3. Иерархические коллизии: проявляются, когда имеется несколько норм различной юридической силы, регулирующих одно и то же отношение.

4. Содержательные коллизии: наблюдаются, когда нормы частично пересекаются по содержанию, создавая неясность в определении подлежащего применению акта.

5. Межотраслевые коллизии: связаны с конфликтом норм, принадлежащих разным отраслям права (например, гражданское и налоговое право).

6. Международные коллизии: имеют место, когда сталкиваются нормы внутреннего и международного права, осложняя выбор надлежащего правового режима.

Другим примером служит развитие понятийных границ между приватизацией недвижимости и землей. Конституция РФ провозглашает единство судьбы здания и земельного участка, однако Гражданский кодекс РФ относит землю к объектам недвижимости особого порядка. Такое разделение создает путаницу в понимании правового режима объектов недвижимости и землеустройства.

Современное правовое поле сталкивается с проблемой коллизий, возникающих из-за многоуровневого регулирования. Для их минимизации и эффективного урегулирования правовых конфликтов необходимы комплексные реформы, направленные на совершенствование законодательства и создание четких стандартов корпоративных отношений. Также важно развивать договорную автономию и создавать специализированные механизмы разрешения споров.

Национальная принадлежность юридических лиц становится камнем преткновения при их трансграничной деятельности, порождая конфликты юрисдикций. Регистрация компании в одной стране и ведение основной

деятельности в другой влекут за собой сложности в налогообложении, трудовом законодательстве и коммерческой сфере. Для решения этих проблем необходимо гармонизировать правовые системы государств, упрощая транснациональные сделки и укрепляя доверие бизнеса.

Концепция юридического лица эволюционирует, адаптируясь к условиям рыночной экономики и усилению государственного контроля. Дальнейшее развитие должно учитывать как потребности бизнеса, так и принципы социальной справедливости, а также цифровые преобразования, создавая прозрачные и устойчивые структуры.

Литература

1. Гражданское право. Общая часть: учебник / под ред. Е.С. Болтановой. М., 2023.
2. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex Russica. 2017.
3. Основы гражданского права: учебное пособие / отв. ред. Л.Б. Тиунова. СПб., 2020.

© Пономарева Н.В., Негодаева Е.Г., 2025

УДК 347.93

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СУДЕ ЗАКОННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

Пономарева О.М.

Старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

Родители в силу их правового положения, определенного Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ), выступают законными представителями несовершеннолетних во всех возникающих с их участием правоотношениях в решении гражданско-правовых вопросов, без наделения их специальными полномочиями. В отношении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, к законным представителям законодатель относит опекунов, попечителей, усыновителей, приемных родителей, специальных организаций для детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, органы опеки и попечительства.

При этом законное представительство предусматривает не только реализацию права на защиту прав несовершеннолетних, но и исполнение обязанности по защите их прав и интересов (ст. 56, 64 СК РФ).

Кроме того, законное представительство интересов несовершеннолетних не ограничивается рамками только судебным процессом, оно осуществляется постоянно до достижения несовершеннолетним возраста 18 лет.

Защита прав и законное представительство согласно ст. 56, 64 СК РФ, ст. 15 ФЗ «Об опеке и попечительстве», ст. 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и др. представляют собой взаимосвязанные явления. Так, например, под защитой прав и свобод понимается совокупность мер экономического, политического, социального характера, используемых государством для восстановления нарушенных прав и свобод граждан. Под охраной прав и свобод понимается комплекс мер, направленных на недопущение нарушения права. При этом защитой прав и интересов несовершеннолетних понимается применение комплекса мер, направленных на защиту прав и охраняемых законом интересов детей.

Права и обязанности у родителей как законных представителей возникают по факту рождения ребенка у указанного лица либо решения суда об усыновлении, договора о передаче на воспитание в приемную семью и иных правоустанавливающих документов. Традиционное представительство в суде интересов несовершеннолетних подразумевает полное замещение

несовершеннолетнего представителем. При этом если речь идет о несовершеннолетних в возрасте до восьми лет, то суд обязан привлекать к участию в судебном процессе законного представителя (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ).

Обязательным критерием, установленным законом и предъявляемым к законному представителю, является возраст – 18 лет. При этом предполагается, что эти лица должны быть дееспособны (ст. 49 ГПК РФ). Если родители не состоят в браке и не достигли 16 лет, то они не имеют право осуществлять самостоятельное воспитание и образование ребенка, не могут осуществлять представительство его интересов. Однако правом о заявлении требований об установлении отцовства законодатель наделил несовершеннолетних с 14 лет.

На короткий срок назначение опеки и попечительства нецелесообразно, и в таком случае возникает вопрос об отсутствии законного представителя у несовершеннолетнего. При этом нередки случаи, когда родителем становится несовершеннолетний и по этому факту возникают вопросы его правового статуса.

Понятие «законный представитель несовершеннолетнего» должно быть установлено законодательно. Должен быть закреплён правовой статус представителя, его полномочия, равно определенные как в материальном, так и процессуальном праве.

Законные представители имеют право использовать услуги лица, избранного ими в качестве представителя, и полностью или частично поручить ему осуществление представительства интересов несовершеннолетнего в суде. Для осуществления представительства суду должен быть представлен документ, подтверждающий право лица на реализацию полномочий представителя (паспорт, свидетельство о рождении и др.).

Институт законного представительства несовершеннолетних актуален в гражданском судопроизводстве. Своими полномочиями законный представитель несовершеннолетнего способен отстаивать права несовершеннолетнего, поддерживать его интересы, восполнять дееспособность

несовершеннолетнего, однако судебная практика показывает необходимость совершенствования института представительства, в том числе в части его законодательной регламентации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 14.03.2020) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2025).

© Пономарева О.М., 2025

УДК 347.627

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Рыбалка Е.А.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор

Платформенная занятость часто существует в так называемой правовой «серой зоне». Отношения между исполнителем и агрегатором-платформой могут квалифицироваться и как гражданско-правовые (договор подряда, возмездного оказания услуг, агентский договор), и как фактическое

осуществление предпринимательской деятельности (если исполнитель зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), и как трудовые отношения (в редких случаях, когда в судебном порядке признаются таковыми).

Чаще всего платформенные занятые регистрируются в качестве самозанятых. Режим самозанятости в России действует с 2019 г., установлен на десять лет и продлится до конца 2028 г. И если для индивидуальных предпринимателей высказана устойчивая правовая позиция: алименты исчисляются с «реального» дохода – не со всей суммы доходов предпринимателя, а лишь с части, оставшейся после уменьшения ее на расходы, понесенные в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (подход, сформулированный Конституционным Судом РФ в Постановлении от 20.07.2010 № 17-П), то для самозанятых закон прямо не детализирует понятие «реального» дохода, а, значит, алименты подлежат расчету из всей суммы дохода.

Согласно ч. 1 ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с гл. 16 СК РФ. В случае если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке (ч. 2 ст. 80 СК РФ).

Таким образом, с точки зрения семейного законодательства РФ (ст. 80, 81, 83 Семейного кодекса РФ) источник дохода плательщика алиментов не имеет определяющего значения. Алименты могут быть взысканы как с работника по трудовому договору, так и с самозанятого, и с лица, не имеющего постоянного трудоустройства. Ключевая проблема заключается в процедурных аспектах: доказывании наличия и размера дохода. Кроме того, самозанятый сам производит удержание по алиментам, так как он самостоятельно ведет учет

полученных доходов и уплачивает с них налог. Однако если заключен гражданско-правовой договор с самозанятым, то при перечислении гонорара заказчик должен удерживать сумму алиментов с исполнителя. Таким образом, для взыскания алиментных обязательств это означает необходимость гибко соотносить право ребенка на достаточное содержание с доказуемой платежеспособностью родителя при отсутствии единого «налогового агента», способного производить удержания автоматически.

В сложившихся обстоятельствах появляется необходимость рассмотрения оснований выбора способа взыскания алиментов при платформенной занятости:

1. При отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей. Размер этих долей может быть уменьшен или увеличен судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимание обстоятельств (ст. 81 СК РФ). Долевой способ уместен, если у плательщика есть стабильные и легко подтверждаемые выплаты (например, получение регулярных выплат). Однако основная трудность при попытке взыскания алиментов в долевой форме – бремя доказывания. Взыскатель (чаще всего второй родитель, с которым проживает ребенок) должен представить суду убедительные доказательства того, что плательщик имеет регулярный доход от платформенной деятельности.

2. С самозанятого лица с нерегулярным меняющимся заработком алименты можно рассчитать в твердой денежной сумме. В условиях непрозрачности доходов от платформенной деятельности ст. 83 СК РФ становится основным инструментом защиты прав ребенка.

3. Комбинированный способ. Допускается взыскание одновременно «в долях» с официального заработка и «плюс» твердая сумма. Эта конструкция прямо подтверждается Постановлением Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 56. Полагаем, что именно она должна обеспечить максимально возможное

сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения в условиях платформенной занятости родителя. При разрешении исковых требований о взыскании алиментов одновременно в долях и в твердой денежной сумме суды должны руководствоваться необходимостью сохранения и поддержания несовершеннолетним прежнего уровня жизни, принимать во внимание материальное положение сторон и другие обстоятельства.

Приведенные выше способы взыскания алиментов не предусматривают каких-либо минимальных сумм дохода родителя, вне зависимости от рода деятельности, при которых алименты могут не уплачиваться; более того, законодательство предусматривает возможность взыскания алиментов при полном отсутствии доходов (ст. 83 СК РФ).

Таким образом, платформенная занятость не изменяет сути родительской обязанности, закрепленной в ст. 80 СК РФ: ребенок должен получать достаточное содержание независимо от формы занятости родителя. Нормативная конструкция СК РФ, усиленная разъяснениями Пленума № 56 и уточненная Перечнем доходов (ПП РФ № 1908), предоставляет суду инструментарий для ситуационной справедливости: от долей – к твердым суммам или их комбинированию.

Литература

1. На ПМЮФ-2025 обсудили платформенную занятость [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/lf/news/258714/> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Как платформенная занятость влияет на российский рынок труда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/68a352129a7947c1818d3b80> (дата обращения: 27.10.2025).
3. Мазин А.Л. Влияние платформенной занятости на защищенность работников [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-platformennoy-zanyatosti-na-zaschischennost-rabotnikov> (дата обращения: 27.10.2025).

ИНСТИТУТ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Рыбалка Е.А.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор

В XIX веке на пенсию могла претендовать только незначительная часть граждан – государственные служащие и офицерский состав. 1827 г. ознаменован принятием первого российского Пенсионного устава и созданием единственного Пенсионного фонда. Размер пенсии определялся с учетом разряда, к которому был причислен государственный служащий или офицер (данная зависимость сохранялась вплоть до 1917 г.). Всего таких разрядов было девять.

В 1853 г. была принята новая редакция Пенсионного устава, однако ход исторической и закономерной цепочки изменить принятие нормативного правового акта не смогло, к 1870 г. ситуация складывалась следующим образом. Приход советской власти ознаменовал взятие нового курса – «создание массовых пенсий», то есть выплаты полагались всем без исключения трудящимся гражданам. При этом достичь цели одномоментно не удалось.

В части нормативно-правовой регламентации исследуемых правоотношений следует выделить постановление «О выдаче процентных надбавок к пенсиям военно-увечных», принятое в 1917 г. 1920-е гг. характеризуются расширением субъектного состава лиц, которым устанавливались пенсии. Например, в него вошли ученые, преподаватели высших учебных заведений, школьные учителя. 1930 г. – принятие Положения о пенсиях и пособиях по социальному страхованию, отменившего

государственное пенсионное обеспечение и установившего систему социального страхования. Применение данной системы на практике запустило движение денежных средств, которое следует изобразить схематически таким образом. 1956 г. – принятие закона «О государственных пенсиях», в соответствии с которым устанавливались единые требования к трудовому стажу, алгоритм исчисления выплат для всех граждан, а также гарантировались пенсии: по старости; по инвалидности; по потере кормильца. Представляет интерес тот факт, что в 1980-е гг. – размер пенсии варьировался от 70 руб. до 252 руб., при этом средняя заработная плата в эпоху перестройки советского уклада составляла около 200 руб. К концу 1980-х гг. в советской России отмечалась положительная динамика уровня жизни населения, вырос показатель средней продолжительности жизни. Изложенное привело к увеличению количества пенсионеров в условиях неоднократного повышения государством размера пенсий. Как следствие, к началу 1990-х гг. объем финансирования на выплату пенсий требовалось увеличить, при этом экономика государства находилась в состоянии стагнации. В целях перехода с тупиковой ветки развития отечественную систему пенсионного обеспечения требовалось реформировать. 1997 г. – создание системы учета пенсионных прав граждан, включающей персонифицированные лицевые счета, содержащие информацию об их трудовой деятельности. Примечательно, что данная система после ее модернизации явилась фундаментом современной пенсионной системы России.

Как отмечалось выше, развитие рыночных отношений явилось ключевым фактором, повлиявшим на становление социального обеспечения в России.

Беспрецедентным событием, обусловленным коронавирусными ограничениями, стали выплаты российским гражданам в 2020 г. в целях оказания государственной поддержки. В 2021 г. полномочия по оформлению и выплате ряда пособий семьям с детьми были переданы от региональных органов социальной защиты к Пенсионному фонду России.

Литература

1. Ермаков Д.Н. Современное пенсионное обеспечение в Российской Федерации: учебное пособие для магистров / Д.Н. Ермаков, С.А. Хмелевская. 2-е изд., стер. М., 2019.

2. Сбитнева И.Н. Развитие законодательства о социальном обеспечении в России в конце XIX начале XX веков: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

3. Право социального обеспечения. Общая часть: учебник / колл. авт.; под ред. М.О. Буяновой. М., 2021.

© Рыбалка Е.А., 2025

УДК 347.61/.64

ИНСТИТУТ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ «ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ» СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тугуз М.А.

Аспирант кафедры гражданского права
Ростовского государственного экономического университета

Дефиниция традиционных семейных ценностей пока не нашла закрепления в правовом порядке Российской Федерации. Юридические акты, перечисленные нами, акты семейного законодательства РФ, главным образом Семейный кодекс РФ, лишь декламируют значимость нравственной составляющей семейной жизни.

Открытые источники информации представляют данные социальных опросов, позволяющие сделать вывод о ценностях современных россиян. Так, для 57 % населения страны ведущей жизненной целью является обеспечение для себя финансового благополучия. Стремление к созданию

счастливой семьи оказалось лишь на втором месте – о нем упомянули 48 % респондентов. Более того, согласно данным того же источника, семейные ценности являются жизненным приоритетом лиц, достигших зрелости (от 40 лет). Авторы отдельных материалов, косвенно апеллируя к данным статистики, рассматривают проблему ведения семейного бюджета как один из стрессогенных факторов семейной жизни, ведущий к распаду брачных отношений, описывают свой личный опыт отношения к финансовым активам внутри семьи, дают практические рекомендации по ведению семейного бюджета.

Исследователь также акцентирует внимание на конфликтогенной стороне финансовых отношений супругов, указывает на разнообразие оснований таких конфликтов: от спора членов семьи по поводу способов расходования денежных средств до психологического отношения каждого из последних к материальным благам (когда для одного имущество – ценность, с которой сложно, а возможно, и страшно расстаться, в то время как для другого то же имущество – структура непостоянная, изменчивая, утрачиваемая и вновь приобретаемая).

Не углубляясь в социологический аспект проблемы внутрисемейных финансовых отношений, который исследуется авторами более активно, чем правовой, обратимся к проблематике отечественного законодательства в сфере регулирования имущественных отношений супругов, оказывающей негативное влияние на формирование института традиционных семейных ценностей российского общества.

Представление о традиционных семейных ценностях, по нашему мнению, претерпело трансформационные процессы, которые привели к повышению значимости материального благополучия субъектов в семейных отношениях. Данное обстоятельство негативным образом сказалось на институте семьи и брака, способствовав распространению практики построения гражданами фактических брачных отношений, не предполагающих официальную регистрацию брака. Данная проблема ранее была исследована нами, в силу чего

в рамках данной работы мы предпочитаем уделять большее внимание пробелам действующего российского законодательства (отметим, не только семейного, но частноправовых отраслей в общем), регламентирующего имущественные отношения субъектов правоотношений, в том числе супругов.

Так, отсутствие в тексте Земельного кодекса РФ определения делимого земельного участка на практике приводит к разночтениям судебной практики (наиболее ярким примером является применение судами недействующих на сегодняшний день норм земельного законодательства со ссылкой на позиции Верховного и Конституционного судов РФ), в результате чего супруги не могут в полной мере реализовать дарованное им государством право на раздел совместно нажитого имущества в равных долях.

Видимая нами непроработанность норм о приобретении права собственности на недвижимое имущество, в частности, положений ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» в части отсутствия в нем указаний на возможность внесение записи в ЕГРН, установление обременения имущества правом собственности супруга – стороны брачного договора, предметом которого стал объект недвижимости, также негативно сказывается на возможностях защиты супругами субъективных прав и обязанностей, а также провоцирует увеличение нагрузки на судебную систему (как и другие недочеты теоретических правовых положений).

Результаты общего анализа приведенных фактов наталкивают на мысли о том, что при всей положительной окраске законодательной инициативы создания института традиционных семейных ценностей, идеализации такового, суровые реалии социальной жизни, правотворчества и правоприменения, экономических процессов, неизбежность влияния которых на общество непрекаема, усиление позиций первого в сознании российских граждан является потенциально затруднительным процессом.

Являясь сторонниками идеи построения семейных отношений на началах любви, взаимоуважения, соблюдения нравственных и этических норм, негативно оценивая практики построения суррогата семейных отношений

в форме сожительства, мы склонны видеть перспективы дальнейшего развития представлений о традиционных ценностях семейной жизни в отечественном законодательстве, которые бы согласовывались с исторически сложившимися фундаментальными основами межполовых, межпоколенческих отношений и современными ценностями, пониманием отношений внутри семьи. Определение традиционных семейных ценностей, таким образом, должно сочетать в себе указания на нравственную и материальную стороны жизни супругов, родителей и детей, прочих участников семейных отношений. Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере видится нам возможным в указанном направлении.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.12.2001 № 136-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Тугуз М.А., 2025

УДК 004

ЦИФРОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Шпак А.В.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Определение глобализации – процесс интеграции между странами, народами, экономиками и культурами по всему миру. Его особенность заключается в динамичности и сложности.

Обратимся к истории, к ранним этапам глобализации и индустриализации XVII–XX веков, которые были отправной точкой в развитии рынка труда. В соответствии с имеющимися данными факторами глобализации выступали:

1. В этот момент происходило создание глобальных рынков как для сырья, так и для промышленности, что способствовало расширению торговых связей.

2. Технологические инновации, характеризующиеся созданием паровых машин, развитием железнодорожного и морского видов транспорта, телеграфа, которые оказали значительное влияние на транспортировку вещей и обеспечили установление связи между континентами.

3. Осуществление перехода от аграрного к индустриальному труду, способствовавшее миграции населения из сельской местности в города, где развивалась промышленность, а с ней и рост заводов и фабрик.

Стоит изучить особенности глобализационных факторов, которые оказывают влияние на рынок труда, а также их последствия. Одним из них выступает технологический прогресс, ставший отправной точкой в глобализации и как следствие трансформации рынка труда.

Не стоит забывать и об инновациях в виде автоматизации, роботизации рынка труда, а также внедрении искусственного интеллекта.

Цифровизация – это использование цифровых технологий в массовых масштабах в производстве и бизнес-управлении с целью сократить затраты и повысить обороты в бизнес-процессах. Она выходит за рамки простой обработки информации и представляет более масштабные модели.

Это комплексный феномен, который представляет собой ряд ключевых особенностей, основными характеристиками которых являются:

– массовое создание и использование данных, приводящее к усиленному росту объема генерируемых и обрабатываемых данных;

- базирование на информационных технологиях, в основе которого лежит использование Интернета, искусственного интеллекта, больших объемов данных, робототехники и иных видов;
- автоматизирование рутинных и из раза в раз повторяющихся задач, как физических, так и когнитивных;
- с большой скоростью осуществляются процессы, требующие от компаний и специалистов постоянной адаптации и повышения квалификации;
- мощный стимул для инноваций;
- цифровизация значительно повышает операционную эффективность, снижает издержки и улучшает производительность труда.

Анализируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что сфера занятости претерпевает на себе перемены, которые непосредственно происходят в экономике, т. к. она сама является частью экономической системы. Она развивается также и под другими различными воздействиями: социальными, правовыми, инновационными, технологическими и др. Обратим внимание на то, что цифровизация подвергает изменениям основные функции занятости.

Исследуя, стоит отметить, что в современном мире, который постоянно подвержен изменениям, возникающие условия отличаются высокой степенью неопределенности и изменчивости социально-экономической среды. Для реализации занятости населения необходимо принять более обоснованные и действенные меры. Необходимо разработать актуальную и детализированную программу по содействию занятости, которая будет своевременно учитывать возможности и последствия цифровизации экономики, ориентируясь на интересы всех сторон социально-трудовых отношений.

Литература

1. Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В. Глобализация как мировой процесс: теоретический анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-mirovoy-protsess-teoreticheskiy-analiz> (дата обращения: 27.08.2025).

2. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-i-zanyatost-v-rossii-v-2020-2024-gg> (дата обращения: 27.08.2025).

3. Набиева Н.Ю. Цифровизация: понятие и особенности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ponyatie-i-osobennosti> (дата обращения: 27.08.2025).

© Шпак А.В., 2025

УДК 347.23:347.121

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Шумилина А.Б.

Доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права
Донского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент

Малявина А.Б.

Научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат политических наук

Механизм защиты права собственности – частный случай механизма правового регулирования, системы юридических средств, посредством которых осуществляется воздействие на общественные отношения. Соответственно, механизм защиты права собственности представляет собой совокупность средств (способов), направленных на восстановление имущественных интересов лиц, обладающих вещным правом.

Механизм защиты права собственности включает в себя: нормы права, нормативные правовые акты, интерпретационные акты, юридические факты,

общественные отношения, урегулированные нормами права, правоприменительные акты, правовое сознание, законность. Указанные элементы способствуют достижению цели защиты права собственности только при условии их взаимодействия, использование различного «набора» элементов облекается в определенные формы и способы защиты права собственности.

Исходя из анализа приведенных точек зрения о понятии формы защиты гражданских прав и, в частности, права собственности, полагаем, что форма защиты права собственности – это осуществление способов защиты права собственности, т. е. процесс применения правовых норм, который завершается (или не завершается) достижением цели лица, чье вещное право было нарушено.

В учебной литературе традиционно выделяются юрисдикционная и неюрисдикционная формы защиты права собственности. Юрисдикционная форма предусматривает защиту права собственности посредством обращения в уполномоченные органы государственной власти в установленном законом порядке, причем каждому виду нарушения права собственности соответствует свой определенный процессуальный порядок деятельности по защите данного права. Неюрисдикционная форма позволяет лицу защищать свое нарушенное вещное право самостоятельно законными способами. К данной форме относят самозащиту права собственности, а также третейское разбирательство и медиацию.

Юрисдикционная форма защиты права собственности включает в себя судебные и внесудебные способы защиты права собственности. Защита права собственности с помощью внесудебных способов подлежит реализации посредством обращения уполномоченных лиц в административные органы, например, обжалование решений, действий (бездействия) территориальных органов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в административном порядке в вышестоящий орган. В юридической литературе существует позиция о рассмотрении нотариальной защиты права собственности в качестве внесудебного способа защиты [2],

поскольку нотариус удостоверяет действительность сделок по отчуждению вещных прав.

Наибольший интерес представляет судебная защита права собственности субъектов предпринимательства, которая осуществляется арбитражными судами Российской Федерации посредством искового производства. По нашему мнению, судебная форма защиты права собственности является наиболее эффективной для достижения соответствующих целей. Полагаем, преимущество судебных способов перед иными способами защиты права собственности состоит в следующем:

1. Защита права собственности осуществляется в процессуальной форме, регламентированной нормами права.

2. Права и обязанности истца и ответчика нормативно закреплены, в то же время процессуальное законодательство предоставляет возможность сторонам спора самостоятельно определять степень активности своего участия в судебном разбирательстве.

3. Судебный акт, выносимый по итогу рассмотрения спора, обладает законной силой и обеспечивается силой государственного принуждения в рамках механизма его принудительного исполнения.

Вещно-правовые способы защиты права собственности применяются при непосредственном нарушении права собственности, ответчиком по вещно-правовым искам могут быть любые третьи лица, нарушившие вещное право. Данная особенность обусловлена абсолютным характером права собственности, поскольку цель применяемых способов – защита интересов собственника от неправомерного воздействия со стороны любых третьих лиц.

В третью группу выделяются требования о защите права собственности и иных вещных прав от неправомерных действий публичной администрации, а именно органов государственной власти или органов местного самоуправления или их должностных лиц.

Таким образом, механизм защиты права собственности представляет собой совокупность средств (способов), направленных на восстановление

имущественных интересов лиц, обладающих вещным правом. Способы судебной защиты права собственности субъектов предпринимательской деятельности осуществляются в юрисдикционной форме, посредством обращения лиц, чье вещное право было нарушено, в арбитражные суды Российской Федерации. При этом судебные способы защиты права собственности перед иными способами обладают преимуществом, в силу того, что защита права собственности осуществляется в процессуальной форме, регламентированной нормами права, права и обязанности сторон нормативно закреплены. Кроме того, судебный акт, выносимый по итогу рассмотрения спора, обладает законной силой и обеспечивается силой государственного принуждения.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на значительный объем исследований, осуществляемых в отношении института защиты права собственности, динамика гражданского оборота и усложнение предпринимательских правоотношений формируют потребность в дальнейшем комплексном исследовании института защиты права собственности субъектов предпринимательской деятельности в России для разрешения как теоретических, так и правоприменительных проблем.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М., 2020.
2. Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М., 2014.
3. Витрянский В.В., Ем В.С., Козлова Н.В. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право. М., 2011.

© Шумилина А.Б., Малявина А.Б., 2025

Список авторов

Батурина Наталья Игоревна – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Вакула Иван Михайлович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор.

Вишнинецкая Мария Ивановна – доцент кафедры процессуального права Ростовского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

Давыдова Снежана Анатольевна – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Карпика Анатолий Григорьевич – доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

Казанцева Екатерина Валентиновна – старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Ковган Екатерина Юрьевна – преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России.

Лемайкина Светлана Владимировна – старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России.

Негодаева Елена Георгиевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Пожарицкая Анастасия Михайловна – адъюнкт кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности дисциплин Ростовского

юридического института МВД России, начальник отделения информационно-правовой деятельности Правового отдела ГУ МВД России по Ростовской области.

Пономарева Наталья Витальевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Пономарева Ольга Михайловна – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

Рыбалка Елена Александровна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор.

Тугуз Майя Андреевна – аспирант кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета.

Шпак Андрей Викторович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Шумилина Анастасия Борисовна – доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Малявина Анна Борисовна – научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук.

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник научных трудов по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
(в режиме видео-конференц-связи)

(27 ноября 2025 г.)

Составитель:

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук

Редактор *Р.Р. Мамедханов*
Корректор *Л.Н. Кожоридзе*
Технический редактор *В.В. Зверева*
Компьютерная верстка *И.К. Беницкий*

Издатель: федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Ростовский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Тел.: 8 (863) 224-58-15. Сайт: <https://рюи.мвд.рф>

Подписано к использованию: 05.03.2026

Тираж 10 экз., Электрон. дан. (0,83 МБ),

1 электрон. опт. диск (CD-R).

ISBN 978-5-8928-8601-7

